

ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ФИЛИПП БОБКОВ

И ПЯТОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
КГБ

СЛЕД В ИСТОРИИ

ЭДУАРД
МАКАРЕВИЧ

Гроссмейстеры тайной войны

Эдуард Макаревич

**Филипп Бобков и пятое
Управление КГБ: след в истории**

«Алисторус»

2015

УДК 343.32
ББК 67.401.212

Макаревич Э. Ф.

Филипп Бобков и пятое Управление КГБ: след в истории /
Э. Ф. Макаревич — «Алисторус», 2015 — (Гроссмейстеры тайной
войны)

Пятое Управление КГБ было создано в конце 60-х годов XX века как ответ на американский вызов — появление в ЦРУ подразделений, нацеленных на слом политической власти в СССР путем идеологической и коммуникационной войны. Филипп Денисович Бобков, долгое время возглавлявший и курировавший пятое Управление, выстроил не узколобый политический сыск, подчиненный партийной бюрократии, а организацию, выявляющую сложнейшие социальные процессы и не только информирующую, но и силой аналитической мысли и политических предложений подталкивающую власть к определенным решениям в целях безопасности страны. В противовес такому контролю партия попыталась навязать обществу образ интригующей спецслужбы, в чем смыкалась с антисоветской и фрондирующей частью интеллигенции. Трагедией коммуниста без фальши, генерала, ответственного за безопасность государства, стало осознание бессилия перед обстоятельствами, не позволившими пятому Управлению в составе КГБ политическими методами остановить лидеров партии, толкающих страну в пропасть — к геополитической катастрофе, к распаду СССР. Однако это не отменяет значимость и глубину следа, оставленного легендарным руководителем пятого Управления в истории государственной безопасности и в судьбе партии и страны.

УДК 343.32
ББК 67.401.212

© Макаревич Э. Ф., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Предисловие	6
Учиться контрразведке настоящим образом	8
О верности судьбе	8
Все начиналось с сопротивления обстоятельствам	9
Школа СМЕРШ и самообразовательный прорыв	15
Постижение контрразведки	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдуард Макаревич Филипп Бобков и пятое Управление КГБ: след в истории

Предисловие

Феномен Пятого управления Комитета государственной безопасности СССР заключался в том, что оно стало самым эффективным средством в холодной войне на внутреннем «фронте», но оно действовало, во многих случаях не находя поддержки партии. Как сказал его глава Ф. Д. Бобков, в холодной войне Пятое управление «чувствовало свое одиночество».

Пятое Управление было создано в конце 60-х годов XX века Ю. В. Андроповым – председателем КГБ, будущим главой советского государства. Пятое управление – это была политическая контрразведка. Она появилась в ответ на американский вызов, определивший стратегию холодной войны, мобилизовавший американских ученых на разработку идей и концепций для утверждения лидирующей роли США в глобальном масштабе.

Тогда в ЦРУ обрели самостоятельность тайные политические, идеологические и «культурологические» операции, нацеленные на слом политической власти в СССР. Субъектами противостояния американской политической разведки и советской политической контрразведки стали коммунистическая партия, советские люди, и прежде всего советская интеллигенция. Это противостояние проходило в определенных общественно-политических условиях. Одним из них стала тенденция к возрождению репрессивных мер в стране, появившаяся в конце 60-х годов прошлого века. Лишь появление Пятого управления сняло эту тенденцию. Его методы в борьбе с идеологическим противником оказались эффективнее репрессий. Управление изучало происходящие в стране процессы, благодаря чему удавалось предотвращать межнациональные конфликты, массовые беспорядки, которые происходили в стране ежегодно до появления «пятой службы». В своей деятельности Управление четко отделяло инакомыслящих от тех, кто, прикрываясь инакомыслием, действовал против существовавшего в стране конституционного строя.

В этой принципиальной войне за безопасность советского государства Пятое управление достигло своего могущества и вошло в неминуемый конфликт с партией, все чаще выступая в роли ее политического оппонента, обращая внимание на ошибки, интеллектуальную немощь и политическое безволие партийных лидеров.

Почти все годы действия Пятого управления его возглавлял или курировал по должности и по сути Филипп Денисович Бобков. Идеология, архитектура и технологии этого Управления были выстраданы им, несли особенности его контрразведывательного таланта и политического мышления, поддержанного Андроповым. Деятельность Бобкова предстает в контексте политических событий того времени, тайных операций ЦРУ, идей западных научных фанатиков, мнений и достижений известных персонажей советской эпохи, нашедших себя в науке, культуре, искусстве, политике и власти.

Бобкову удалось выстроить не узколобую организацию политического сыска, подчиненную партийной бюрократии, а организацию, выявляющую социологическими и агентурными методами политические и социальные процессы, познающую и контролирующую среду, в которой они разворачивались. Организацию не только информирующую власть, но и аналитически контролирующую ее, толкающую ее к определенным решениям. Не интригами, не провокационными действиями, а силой аналитической мысли и политических предложений для безопасности страны.

Деградирующая партия не могла допустить столь явного политического контроля и «аналитического» насилия над собой. Она пыталась навязать общественному мнению образ Пятого управления как интригующей спецслужбы, в чем смыкалась с антисоветской и фрондирующей частью интеллигенции. В определенный момент Бобков понял свое бессилие перед теми обстоятельствами, что не позволили Пятому управлению в составе КГБ информационными и политическими методами остановить лидеров партии, толкающих страну в пропасть – к геополитической катастрофе, к распаду СССР. В этом бессилии была его трагедия как советского человека, как коммуниста без фальши, как генерала, ответственного за безопасность государства. Но след Управления в истории государственной безопасности и в судьбе партии небезынтересен для будущих поколений.

Учиться контрразведке настоящим образом

О верности судьбе

Девятого января 1991 года первый заместитель председателя КГБ СССР, генерал армии Филипп Денисович Бобков покинул свой кабинет, окна которого смотрели на площадь Дзержинского и центральный московский универмаг «Детский мир». Сорок пять лет назад он, тогда младший лейтенант, выпускник школы СМЕРШ, впервые вошел в здание Министерства государственной безопасности, что так уверенно раскинулось на этой площади. На одном дыхании были прожиты эти сорок с лишним лет. И вот пришел день, когда он, уже «четыrehзвездный» генерал, отвечавший за политическую безопасность Советского Союза, за восемь месяцев до его кончины, завершил свою службу.

Он был из того поколения, о котором Эрнест Хемингуэй сказал: коммунисты – хорошие солдаты. Бобков был хорошим солдатом и в пехотной цепи на поле брани, и в борьбе за государственную безопасность страны. Только в той цепи можно было получить «подарок» от немецких фашистов – сорок осколочных ранений и пробитое легкое. Таким для него была цена одного боя в Белоруссии. А в политической борьбе за государственную безопасность раны были моральные и душевные. За них не давали нашивки на форму, они становились отметинами на сердце.

Он стал солдатом в шестнадцать, а в восемнадцать гвардии старшина Бобков, фронтовик, кавалер солдатского ордена «Славы», встретил победу в Курляндии. Недалеко от тех мест, где закончил воевать за два месяца до той же победы капитан Красной армии Солженицын, арестованный фронтовой контрразведкой СМЕРШ за нелестные слова о Верховном главнокомандующем.

Кто мог предположить в те дни, что жизненные линии старшины-фронтовика и арестованного капитана спустя тридцать лет пересекутся в точке идейного противостояния. Старшина к тому времени стал генерал-майором, начальником Пятого управления КГБ, а капитан – известным писателем и выдающимся «диссидентом».

Погрузившись в историю, вдруг неожиданно видишь, как соприкасаются жизненные линии людей в определенное время в определенном пространстве. А потом наступает другое время, и это соприкосновение повторяется в другом качестве. Меняются принципы и позиции. И жизни человеческие круто меняются. Но есть люди, что остаются верными своей судьбе, несмотря на любое качество времени.

Все начиналось с сопротивления обстоятельствам

Детство Бобкова связано с индустриальным городом Макеевка, что в Донбассе. Про его самые яркие детские впечатления можно сказать, что запомнилось прежде всего то, что было пережито. И первым таким переживанием для семилетнего мальчишки стал голод 1932–1933 годов.

Трудно передать словами это сосущее состояние голода. Каждый день все мысли и желания только о еде. Голоду сопротивлялись тем, что добывали съестное, где могли. Великой радостью были трава и картофельная ботва, водоросли и мелкая рыбешка, вычерпнутые из местных прудов и речушек. А уж арбузные корки, которые однажды принес отец, стали чуть ли не деликатесом. Все, что можно было жевать и проглотить, шло на стол.

Тогда в Макеевку хлынули голодающие из российских областей – Белгородской и Курской – в поисках все той же еды, ставшей источником выживания. Это хорошо сохранила детская память.

Спустя десятилетия тот голод недоброжелатели России называли «голодомором» и сделали оружием пропагандистской войны. С циничной практичностью, так хорошо известной Бобкову по работе в контрразведке, американцы взялись за новое «прочтение» того голода, что поразил людей в СССР много лет назад.

Воспользовавшись тем, что с начала тех событий прошло 75 лет (дата, выступающая как информационный и политический повод), палата представителей Конгресса США 23 сентября 2008 года осудила «голодомор на Украине», признала его «геноцидом против украинского народа» и назвала источник той страшной беды – «советский диктатор Иосиф Сталин и его окружение, сталинское правительство, по воле которых был искусственно создан голод в 1932–1933 годах, жертвами которого стали почти 10 млн. жителей Украины». Констатируя это, американские конгрессмены осудили источник этой трагедии – советское правительство – за «систематические нарушения прав человека, в том числе и свободы самоопределения и свободы слова украинского народа». Но интерпретация «голодомора» в версии американских и украинских политологов и политиков игнорировала тот факт, что трагедия на Украине не была трагедией, сделанной для Украины. Такая же трагедия тогда постигла целый ряд областей в России и в Казахстане. Причинами голода были и неурожай, и некомпетентность руководителей на Украине, в Казахстане, в областях России; и жестокая политика Сталина, требовавшего обеспечить запланированную сдачу зерна для продажи Западу, чтобы закупать оборудование и станки для строящихся заводов. И эти причины касались всех зернопроизводящих областей Советского Союза. При этом смертность от голода в СССР в 1932–1933 годы, по подсчетам российских исследователей на основе архивных материалов и с учетом неучтенной смертности, составила 3,8 млн. человек, но никак не 10 млн, безосновательно указанных в американской резолюции.

Но почему была выбрана Украина в пропагандистской кампании «голодомора»? Здесь стоит обратить внимание на следующую позицию в резолюции американских конгрессменов: Конгресс поддерживает усилия Украины в демократических и рыночных реформах, чтобы Украина «могла продать свой потенциал в качестве важного стратегического компаньона США в этом регионе мира». То есть речь шла о том, чтобы Украина, граничащая с Россией, стала стратегическим партнером США в этом регионе, где США обозначили свои геополитические интересы. И тема «голодомора» в интерпретации американских консультантов понадобилась, чтобы убедить Украину, что у нее своя история, а у России – своя, что Россия всегда угнетала Украину, и украинский «голодомор» самое яркое тому свидетельство. От «голодомора» изменение сознания шло по вектору ненависти – врагом теперь становились русские, которые якобы угнетали украинцев.

Такие вот воспоминания о голоде в интерпретации американцев снова ударили по Украине и России спустя десятилетия.

А тот реальный голод, которым было отмечено детство Бобкова, уже в 1934 году сник, растворился, и жизнь для мальчишки обрела свой смысл в иных ценностях. Школа, романтика пионерских отрядов, и самое главное – соприкосновение с большим и яростным миром. В этом мире, жившем по своим законам, уже гремели имена шахтеров, сделавших славу Донбассу, поднявших рабочих страны на рекорды производства угля, электроэнергии, стали и машин. Была гордость за Никиту Изотова, Алексея Стаханова, что делали историю. Это впечатляло, заставляло строить свои планы на жизнь. И потому запоминалось.

Переход из детства сразу во взрослую жизнь случился в год 1937-й, на который пришелся взлет сталинского террора. В один из дней отец, который работал на металлургическом заводе, сказал сыну: «Ты почти взрослый. Поэтому хочу, чтобы ты знал: меня могут арестовать. Но я ни в чем не виноват. Совесть моя чиста». Бобков вспоминает себя, двенадцатилетнего, после этих слов отца: «Я был потрясен. Зачем арестовывать честного человека? И тут меня осенило: в нашем многоквартирном доме оставалось всего пять мужчин. Остальные были арестованы. Может, и они ни в чем не виноваты?» Угроза ареста не стала явью. Но слова отца и то ощущение после них отпечатались в сознании на всю жизнь, которая после этих слов так и осталась для него советской.

Фашистская Германия напала на его страну, когда он перешел в девятый класс. И хотя с каждым днем страна сопротивлялась все ожесточеннее, враг не слабел. Немцы уже выходили к Донбассу. Оттуда эвакуировались заводы, там взрывали шахты, на которых еще вчера делались рекорды. Вывезти или уничтожить, чтобы фашисты не воспользовались. Только так стоял вопрос.

Люди бросали дома, хозяйство, свою родную землю, уходили в глубь страны. Тяжело уходили. В этом нескончаемом человеческом потоке, объединенном горем уходящих, была и семья Бобковых.

Разве такое забудется?

Бобков говорит об особенностях памяти, живущей переживаниями: «Даже воспоминания о самых горячих боях на фронте, где я был ранен дважды и где видел тысячи смертей, не так преследовали меня в последующей жизни, как дорога беженцев».

Ровно об этом пишет Александр Фадеев в своем романе «Молодая гвардия», когда описывает переживания людей, уходящих почти из тех же мест, что и семья Бобкова: «Со времени великого переселения народов не видела донецкая степь такого движения масс людей, как в эти июльские дни 1942 года. По шоссейным, грунтовым дорогам и прямо по степи под палящим солнцем шли со своими обозами, артиллерией, танками отступающие части Красной армии, детские дома и сады, стада скота, грузовики, беженцы – то нестройными колоннами, то вразброд, толкая перед собой тачки с вещами и с детьми на узлах. Они шли, топча созревающие и уже созревшие хлеба, и никому уже не было жаль этого хлеба – ни тем, кто топтал, ни тем, кто сеял, – они стали ничьими, эти хлеба: они оставались немцам. Колхозные и совхозные картофельные поля и огороды были открыты для всех. Беженцы копали картофель и пекли его в золе костров, разведенных из соломы или станичных плетней, – у всех, кто шел или ехал, можно было видеть в руках огурцы, помидоры, сочащийся ломоть кавуна или дыни. И такая пыль стояла над степью, что можно было, не мигая, смотреть на солнце».

Через пятнадцать лет майор Бобков будет читать посмертное письмо Александра Фадеева, застрелившегося у себя на даче. В этом письме, адресованном руководителям партии, писатель излил всю горечь от непонимания партией сути и смысла литературного творчества, сводимого к надзору за ним в худших традициях бюрократии. Он мог так написать, памятуя и свою судьбу, и то обстоятельство, что имя его уже навсегда было связано с романом «Молодая гвардия», где он показал силу духа юношей и девушек, сумевших так сопротивляться немцам

на оккупированной ими донецкой земле, что ждала их только смертная голгофа, которую они приняли не как мученики, а как герои.

В отличие от действующих лиц романа Фадеева, не успевших уйти от немцев, семья Бобковых успела выйти на «большую» землю. Уже там отец получил назначение на строительство заводов подземной газификации угля в городе Ленинск-Кузнецкий, что в Кемеровской области. Тогда все работало на оборону, и заводы эти тоже.

Подкрепленные эвакуированными предприятиями из Донбасса, они сделались мощной энергетической силой, столь нужной для сражающейся страны. Туда и пришел работать младший Бобков. Это был его выбор. И все, кто был рядом, почувствовали самостоятельность этого парня.

А дальше события развивались так. Отец добровольно уходит на фронт, бронебойщиком, бить фашистские танки. Сына избирают секретарем комсомольской организации. В один из дней весны 1942 года в Ленинск-Кузнецкий приехал народный комиссар угольной промышленности Вахрушев, чтобы разобраться, как идут дела на этой большой заводской стройке. И неожиданно поинтересовался: где тут бюро комсомола? Его интересовал один вопрос: готовят ли специалистов для будущего производства из числа молодежи, работающей на стройке? Оказалось, что нет. Тогда он сказал директору строительства: «Вы не думаете о будущем». И указание дал такое: поручить комсогпу возглавить отдел кадров по подготовке специалистов для эксплуатации завода после его пуска. Так Бобков был определен ответственным за выполнение этой важной государственной задачи. Тогда быстро и решали, и работали.

Ему минуло шестнадцать лет, когда он стал секретарем комитета комсомола города Ленинск-Кузнецкий. Столь стремительной карьере способствовало то, что его предшественник, прежний комсомольский секретарь, ушел воевать вместе с отобранными им добровольцами. Делом комсомола был отбор и направление добровольцев в сражающуюся армию. И Бобков недолго пребывал в должности городского комсомольского лидера. Он пошел тем же путем. Вместе с секретарем горкома партии и военным комиссаром он отбирал людей из массы стремящихся на фронт, формировал добровольческую команду. А потом и партийный секретарь, и секретарь комсомольский, и военком написали заявление с требованием отправить их на фронт с теми, в отношении кого они уже свыклись с мыслью воевать вместе.

Так он попал в 6-й сталинский стрелковый корпус добровольцев-сибиряков, части которого формировались на Урале, в Забайкалье, Кемерове, Новосибирске, Омске, Красноярске.

А дальше фронт. Думали, что корпус уйдет под Сталинград. Но фронт по воле Генштаба оказался Калининским. Тяжелейший фронт, долгий и кровавый, фронт, где был город Ржев и Ржевский выступ, который надо было ликвидировать, поскольку он угрожал Москве, и в который немцы вцепились зубами. А еще надо было сдерживать немецкие дивизии, что должны были уйти под Сталинград.

Кровавые затяжные бои, непролазная грязь, хлипкие блиндажи на еловых ветках, покрывающих болотную землю, уходящую из-под ног, по которой непрерывно сажают немецкие минометы; тоска влажных и мрачных лесов, и неизвестно где поджидающая смерть. И тащили на руках через эти болота еду и боеприпасы.

В этом болотном аду Бобков выжил. И не только выжил, он получил свою первую боевую награду – медаль «За отвагу». Солдаты ее ценили, то была честная награда за солдатскую доблесть.

Но вот за что ее давали?

Команда «вперед!», и боец переваливается через бруствер и, пригнувшись, бросается навстречу пулям. Сила приказа, смелость молодости, глушащая страх, неистово гонят туда, где окопался проклятый немец.

А когда натыкались на стену огня, то было точно так, как в изложении фронтового поэта Семена Гудзенко:

Разрыв – и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.

Эта вражда, проистекающая от злости на немца, усиленная приказом, сообщала неукротимую энергию броску наступающих. А сколько этих бросков было, когда брали Гнездиловские высоты, известные ожесточенными боями за них. Наши атаки, немецкие контратаки... Это был непрерывный ад в течение пяти суток. Дело кончилось тем, что немца все же сломали.

В бою за станцию Павлиново Бобков получил первое ранение – пуля пробила руку. Медсанбат. Там-то и нашел его отец. Он воевал в соседней дивизии, уже помощником начальника штаба полка.

Дальше были бои в Белоруссии, под местечком Ленино, где сын с отцом воевали рядом. За эти жестокие бои Бобков младший получил вторую медаль «За отвагу».

Потом брали Оршу, крупный железнодорожный узел в Белоруссии, стратегически важный для немцев. Здесь пришлось хлебнуть лиха. Немецкая мина разорвалась рядом, сорок осколков прошли по телу. После операции – тридцать два остались в нем на всю оставшуюся жизнь. Замечательные хирурги школы академика Брайцева латали Бобкова в центральной клинической больнице в Москве.

Подлечился солдат, восстановились пробитые легкие. Через восемь месяцев Бобков снова был на фронте, в том же полку, где воевал и отец.

Полк наступал. Отчаянно сопротивлялись немцы. Их штурмовик неожиданно вынырнул из-за леса, прошелся огнем по нашим порядкам и бросил бомбу. Отец еще успел крикнуть: «Берегись!». Было много убитых, так как лежали скученно. Осколками накрыло и отца. Как вспоминал Бобков, «мы отнесли его в медсанбат, и там я с ним простился». Оказалось, навечно. После такого ранения отец не выжил.

А полк шел вперед. 13 октября 1944 года вышли на окраину Риги, столицы Латвии. Немцы держали оборону грамотно. Их пулеметный огонь с крыш домов не позволял пробиться в старый город. И тогда развернули артиллерию. Но последовал приказ командира дивизии: «По старой Риге огня не открывать». Город брали штурмом в уличных боях. Боевые группы буквально выдавливали из домов засевших там немцев. Город не пострадал. И не врут кадры фронтовой кинохроники, на которых рижане бросают цветы солдатам, проходящим по улицам Риги.

Война закончилась победой СССР над гитлеровской Германией и ее союзниками. Бесспорность этой победы была подчеркнута взятием Берлина. Миллионы погибших, замученных, изувеченных сопровождают эту победу, делают ее горькой. Но на пути к ней, в боях этой жестокой войны мужали характеры тех молодых людей, что добровольно встали на линию огня, чтобы без громких слов защитить родину. А если судьба была благосклонна, то и выжить, вопреки обстоятельствам, не разменяв свою совесть на безопасность в тылу.

Впервые с иным пониманием победы Бобков столкнулся, когда допрашивал американских агентов, арестованных в СССР. Это были бывшие советские граждане из военнопленных и перемещенных лиц, прошедшие подготовку в американской диверсионной школе на территории Западной Германии и заброшенные в СССР. В ряду «шпионских» дисциплин будущим агентам преподавали и историю. Преподаватель, некто Лев Львович, старался доказать, что к поражению гитлеровской Германии Красная армия имеет лишь косвенное отношение. Он предлагал сидящим перед ним агентам вспомнить, как они попали в плен, как русские войска

бежали от немцев. И так продолжалось до тех пор, пока союзники русских, главным образом американцы, не поняли, что Советский Союз не имеет ни современного оружия, ни боееспособной армии. Наиболее талантливые полководцы, вроде генерала Власова, поняли это первыми и перешли к немцам. Но один из агентов по кличке Боб, наиболее думающий (после ареста начал сотрудничать с контрразведкой), хорошо помнил и то, как отступали советские войска, и то, как бежали немцы, бросая оружие и технику. Поэтому он спросил Льва Львовича:

– А как же русские дошли до Берлина, если у них не было ни армии, ни оружия?

На что Лев Львович ответил:

– Благодаря решительным действиям американцев и той помощи, которую они оказывали русским.

Как только отгремели последние залпы войны и Запад стал претендовать на половину победы, писатель и публицист Илья Эренбург, ненавидимый Геббельсом, сказал в первой своей послевоенной публикации: «Если осмотреть труп фашизма, – на нем много ранений, от царапин до тяжелых ран. Но одна рана была смертельной, и ее нанесла фашизму Красная армия».

Это была та армия, которая перемолола в боях 85 процентов войск гитлеровской Германии и ее европейских союзников. Но стоило это Советскому Союзу 27 миллионов жизней его граждан, из которых около 13 миллионов были мирными жителями, – убитыми, умершими от голода и болезней, умерщвленными в нацистских концлагерях, на немецких заводах и в немецких хозяйствах. Цена войны для Советского Союза складывалась из десятков миллионов человеческих жизней, тысяч разрушенных городов, деревень, заводов, школ, институтов, памятников культуры.

Когда после разгрома фашистской Германии в мире началась холодная война, западные оппоненты не хотели знать, а те, кто знал, – помнить, сколько жертв принес Советский Союз на алтарь победы. Сегодня Запад претендует уже не на половину победы во Второй мировой войне, как было более 70 лет назад, а на всю победу, пытаясь утопить в череде бегущих лет память о том, кто на самом деле разгромил цитадель фашизма – гитлеровскую Германию. Запад, прежде всего США, заново создает образы ушедшей в историю мировой войны, и делает это в определенных целях. Профессорам-политологам в союзе с политиками очень важно объединить нацистскую Германию с Советским Союзом, сделав их в своих умопостроениях субъектами одной крови. И тогда можно убеждать мир, что сталинский СССР был таким же агрессором, хищником, как и гитлеровская Германия. Он также завоевывал и оккупировал другие страны в Прибалтике, в восточной и центральной Европе, как и Германия нацистского фюрера. Следуя этой профессорской логике, публику подталкивают к выводу, что в этом случае Россия как преемник СССР должна взять на себя политическую и моральную вину за эту «оккупацию» и материально компенсировать «ущерб пострадавшим» народам. Но есть еще более дальняя цель этой интеллектуальной операции. Россия, приняв на себя эту мнимую вину за СССР, перестав быть страной-победительницей в мировой войне, уже вряд ли сможет стать кристаллизующим центром новой цивилизации – русского мира, развивающегося на ресурсах своей истории, культуры и интеллекта. Такая цивилизация, растущая рядом с Евросоюзом, никак не вписывается в мир по-американски.

Радикальные приверженцы этих целей для России считают, что страна, спасшая 70 лет назад мир от фашистской чумы, должна стать изгоем мира в первой половине нового века. Полагаясь на мощь массовых коммуникаций, они пытаются навязать миру тот образ России, что проектировали в той или степени с начала холодной войны. С ориентацией на этот образ предлагались учебники по истории, снимались фильмы, сочинялись книжки, сносились одни и возводились другие памятники, создавались компьютерные игры, одна за другой по определенным формулам проводились общественно-политические акции, чтобы изменить сознание людей.

Но разве во имя такой России страдали и гибли миллионы наших людей в ту Великую Отечественную войну?

Когда в 1965 году страна широко отмечала двадцатилетие победы, думающие люди из числа воевавших ловили себя на мысли, что наступит время, когда во власти будут люди, не хлебнувшие горя и побед этой войны. И, возможно, чувство родины у них будет другое, и боль той войны они не удержат. И это самое опасное. Судьбы Горбачева и Ельцина были окрашены как раз непониманием этой боли и этих побед, что тоже привело к трагедии страны.

А что может удержать и понимание той войны, и гордость за победы в ней, и за ее героев, и боль за ее жертвы? Такой вопрос задавали и Бобкову.

С течением времени вопрос этот только крепнет. А сегодня он вообще оказался в центре мировоззренческого противостояния России и Запада. Но какой может быть ответ?

Опытные бойцы мировоззренческого фронта, в том числе и с учеными степенями, все более обращают внимание на мораль и нравственность в поисках ответа.

Это честные знания и честная память о великой войне. Знания и память, обусловленные моралью, которые необходимо культивировать наукой, литературой, искусством, образованием и постоянно поддерживать, предоставляя все новые и новые доказательства нашей победы в этой войне. Если дело было правое, то правда все докажет.

Не потому ли Джордж Кеннан, главный стратег холодной войны, выступая в Национальной военной академии США в декабре 1947 года, предложил для дипломатии и идеологических операций понятие «необходимой лжи»?

Но опытные бойцы знают, что молчанье или искривленная правда, или «необходимая ложь», всегда хуже доказательств, обусловленных нравственным подходом.

Школа СМЕРШ и самообразовательный прорыв

Война кончилась. И нужно было определять свое будущее. А какие ресурсы для этого имел Бобков? Лучший – конечно, молодость, восемнадцать лет. К тому же фронтовик, да еще в звании старшины, опытный солдат, смел, сообразителен, психологически устойчив, в бою надежен. Образование почти среднее. Коммунист. Такими людьми не бросаются. Таким людям предлагают стоящее дело.

Бобкову предложили учиться в школе контрразведки СМЕРШ. «Смерть шпионам» – так назвал Сталин в 1943 году реорганизованную военную контрразведку. За годы войны, эта служба заявила о себе так, что гитлеровские спецслужбы – Абвер, СД, гестапо – признали в ней серьезного, бескомпромиссного противника, действующего жестко, агрессивно, изобретательно.

Бобков выбрал Ленинградскую школу СМЕРШ. Уже после первых занятий стало понятно, как были далеки от реальности представления о контрразведывательной деятельности у слушателей школы. Оказывается, это была целая наука с множеством технологий, приемов и практических действий, которые нужно было освоить. Но при этом наука эта была не засохшая, а занимательная, обращенная к жизни, снимающая покров с ее тайных лабиринтов.

Слушали лекции профессионалов, изучали документы, связанные с разоблачением фашистской агентуры, действовавшей в нашем тылу, постигали методы заброски агентов немецкими спецслужбами, разбирали деятельность разведывательных и контрразведывательных органов, диверсионных и разведывательных школ, созданных немцами на оккупированной территории. И, конечно, вникали в операции внедрения нашей агентуры в немецкие спецслужбы, в диверсионные школы и гитлеровские спецформирования.

Вчерашний день? Враг разбит, а тут изучают его методы и наши методы против него. Зачем?

Но американцы занимались тем же самым. Так же изучали достижения немецкой разведки и контрразведки. Колоссальное количество материалов было вывезено из поверженной Германии для изучения в США. Да и бывшие деятели немецких разведывательных и контрразведывательных органов, оказавшиеся в США, пришли туда не с пустыми руками. Генерал Рейнхард Гелен, начальник отдела «Иностранные армии востока» немецкого генштаба, передал американцам огромный и бесценный архив развединформации по Советскому Союзу, и в придачу – каталог описания методов добывания этой информации. Главным методом здесь были многочисленные допросы советских военнопленных, которые представляли разные слои общества. Архив Гелена, пятьдесят стальных ящиков, был набит папками с материалами о Вооруженных силах СССР, о советских военачальниках, об экономике и советской политической системе, там были данные аэрофотосъемки советской территории. Материалы Гелена показывали потенциальные возможности металлургической, нефтехимической, танковой, артиллерийской, авиационной промышленности СССР, пропускную способность транспортных коммуникаций, людские резервы, систему подготовки кадров, творческие возможности советских армейских, авиационных, «промышленных» генералов. Материалы Гелена отражали особенности социальных, политических, национальных отношений в СССР, взаимоотношения власти и населения. Вся эта информация теперь была у американцев. Первые послевоенные разведывательные операции американского Управления стратегических служб (предшественника ЦРУ) против СССР питались немецкими разработками и «немецкой» информацией об СССР.

Поэтому то, как учили в СМЕРШе (особенно работе с информацией, особенно на опыте немецких спецслужб), предопределяло уверенный профессиональный рост будущих контрразведчиков.

Но какой он – контрразведчик из СМЕРШа? Какой его образ вдохновлял выпускников школы? Пожалуй, тот, который воплощали офицеры военной контрразведки в годы войны, выполняя опасные, сложные и ответственные задания, от которых зависели жизни тысяч людей и судьбы военных операций в масштабах фронтов. Именно такой образ создал писатель В. Богомолов через много лет в своем замечательном романе «Момент истины», в котором рассказывалось о том, как офицеры СМЕРШа ищут и находят в тылах нашей армии, готовящейся к наступлению, немецких агентов. Случай действительно реальный.

Но то, как изобразил Богомолов профессионалов СМЕРШа, их методы, совпадало отчасти и с тем, как и чему учили в школе СМЕРШ в 1945 году, когда там учился Бобков.

И прежде всего это касалось того объема информации, который офицер СМЕРШа должен был прокачать в уме при встрече с подозреваемыми людьми. Как это в романе делает капитан Алехин: «Словесный портрет совпадает... Неужели Мищенко?... Не исключено!.. Мищенко – это фигура!.. Не факт, что это Мищенко, и не факт, что они – „Неман“... Качай! Аттестат на продовольствие... Шифр... Реквизит содержания... Шрифты текста... Петит подстрочный... Капитан Елатомцев А Пэ и с ним два офицера... Убывшему в командировку... Вильнюс... Лида и районы... Номер и дата документа... Командировочное предписание от десятого августа... Фактура бумаги... плотность... Так... исключен с довольствия с шестнадцатого... Срок действия аттестата... двадцать первое... Роспись лица, получившего аттестат... Поговори с ним... насчет довольствия... Так... Фиксируй лицо!.. Хорошо... Так... Теперь спроси у них... Документов у них достаточно... И никаких вазомоторов, никакой вегетатики!.. Словесный портрет совпадает, наверное, полностью... Но не факт, что это Мищенко... Не думай о Мищенко! Твоя задача – заставить этих троих проявить свою суть... Кто бы они ни были!.. Поставь их на место... И обозли... Повтори еще раз... Простака играй, дубового службиста... Больше упрямства... Обостряй!.. А капитан молодец!.. Как владеет собой!.. Неужели это – Мищенко? Неужели они „Неман“?»

За десять минут капитан Алехин «прокачал» Мищенко.

Но мог ли предполагать Бобков тогда, в 1945 году, что через 29 лет будет написан такой роман о контрразведчиках СМЕРШа, и он, Бобков, генерал КГБ, будет вместе с другими понимающими и смелыми людьми спасать этот роман от посягательств бюрократов из пресс-службы КГБ, от военной цензуры, от генералов из Министерства обороны, от перестраховщиков в журнале «Новый мир».

Приведу здесь слова самого Богомолова, который потом описал эпопею с публикацией романа:

«Хорошо помню июльский полдень 1974 года, когда И. С. Черноуцан (консультант ЦК КПСС. – Э. М.), ознакомившись с десятками замечаний на полях и убедившись, что среди них нет ни одного относящегося к компетенции людей, их писавших, сказал мне: „Там есть очень толковый доброжелательный человек, генерал Бобков. Сейчас пойду и от Беляева (заведующий Отделом культуры ЦК КПСС – Э. М.) «по вертушке» ему позвоню...“ (Филипп Денисович Бобков, генерал-лейтенант, возглавлял 5-е управление КГБ, иначе Управление по борьбе с идеологическими диверсиями, созданное по личной инициативе Ю. В. Андропова, который считал, что „основной функцией органов госбезопасности является защита конституционного строя – не людей, стоящих у власти, а именно устоев государства“).

Минут десять спустя он вернулся и сообщил: „Я с ним говорил, он отнесся с пониманием и все передаст. К сожалению, Пресс-бюро (Пресс-бюро КГБ. – Э. М.) ему не подчиняется...“

Несомненно, разговор Ф. Д. с Пресс-бюро повлиял на дальнейшие события...» [1].

Потом Богомолов напишет:

«Я до конца своей жизни всегда с благодарностью буду помнить замечательных людей, чья гражданская позиция, смелость и мужество в принятии решений способствовали тому, что роман увидел свет. Это трогательный и отважный Валентин Павлович Аксенов (редактор

издательства „Молодая гвардия“. – Э. М.), честный Олег Александрович Смирнов (и. о. главного редактора журнала „Новый мир“. – Э. М.), умный и проницательный Игорь Сергеевич Черноуцан, доброжелательный Альберт Андреевич Беляев, принципиальный генерал Филипп Денисович Бобков.

Низкий им поклон!» [2].

Еще в школе СМЕРШ Бобков понял важную истину: в контрразведке побеждает тот, кто имеет широту взгляда, знания, прежде всего гуманитарные, хорошую память и ищущий ум. Конечно, сугубо профессиональная школа СМЕРШ гуманитарных знаний университетского уровня дать не могла. Но выход был в самообразовании. И не от случая к случаю. А регулярно, методично, день ото дня самостоятельно идти к этим знаниям, читать и читать. Не бессистемно, а постигая историю России, классическую литературу, работы классиков марксизма. Пусть только Маркса, Энгельса, Ленина, но все же классиков политики и классовой борьбы.

Бобкову было легче. У него была предрасположенность к чтению еще с детства. Когда уходили из Донбасса на «большую» землю, отец положил в вещевой мешок двухтомник романа С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Пока добрались до места назначения, прочитали оба тома. «А осенью сорок третьего, – рассказывал Бобков, – когда мы вошли в какой-то одинокий пустой дом на краю деревни, отбитой у немцев, я увидел на этажерке третий том „Севастопольской страды“. Взял с собой, читал по возможности между боями. А последний, четвертый том, одолел уже, когда лежал в госпитале после второго ранения».

Вот еще один книжный эпизод, который вспоминает Бобков: «Когда были на передислокации под Гжатском, к офицерам полка попала книга того же Сергеева-Ценского „Брусиловский прорыв“. Она долго ходила по рукам и в конце концов осела у меня. Я читал ее вслух солдатам во время перерывов на учениях, на привалах по пути на передовую. А закончил читать перед атакой на Гнездиловские высоты, за которые мы бились пять суток. Это была череда непрерывных, жестоких боев».

А пока шло зачисление в школу СМЕРШ, грянула другая книжная история. Будущим слушателям школы поручили разобрать книги из частных собраний, из книжных хранилищ, разбитых во время блокады. Эти книги свозили в Петропавловскую крепость, и теперь они ждали, когда с ними разберутся, чтобы пополнить научные и публичные библиотеки. Бобков попал в команду, которой предстояло сортировать книги на хорах собора Петра и Павла. «Каких только уникальных изданий я там не увидел, – вспоминал он, – книги с автографами Достоевского, Герцена, Огарева, Горького, подшивки журнала „Будильник“... Мы забирались на хоры, читали запоем, оторваться не могли. Спыхватывались, снова брались за разборку...»

Отчетливо вспоминается то, что пережито. Здесь пережитое связано с книгами. Это приобретает какой-то мистический смысл: книга в долгую дорогу, книга в одиноком доме, книга перед атакой, книги на хорах собора Петра и Павла... Может, книги и хранили человека? Такой вот книжный талисман, сохранивший жизнь бойцу.

А потом этот книжный талисман вывел бойца в мир серьезного знания. Школа СМЕРШ запомнилась самообразовательным прорывом. Каждое воскресенье Бобков посещал открытые лекции в университете, которые читал академик Евгений Викторович Тарле. Что значил Тарле для исторической науки? Его исследования о Наполеоне, о нашествии Наполеона на Россию, о падении абсолютизма в Западной Европе, о Европе в эпоху империализма, о Екатерине II и ее дипломатии, о внешней политике Петра I, о Крымской войне вывели советскую историческую науку на мировой уровень. И лекции его были настолько впечатляющими, что помнятся до сих пор.

Но Тарле был по воскресеньям. А по будням – «самообразовательные» вечера в богатейшей публичной библиотеке Ленинграда, что носит имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но ведь были еще и воскресные вечера, которые посвящались театрам. Классические пьесы и совре-

менные драмы запоминались прежде всего игрой выдающихся ленинградских актеров того времени.

Но тогда же на ниве самообразования Бобков, – как он говорит, – получил политический нокдаун. Он, да и все его товарищи по школе СМЕРШ зачитывались рассказами М. Зощенко, стихами А. Ахматовой, что печатались в журналах «Звезда» и «Ленинград». Журналы те буквально ходили по рукам. И вдруг в августе 1946 года появляется постановление ЦК партии с уничтожающей критикой этих изданий и сочинений этих авторов.

– Чувствовали, что это несправедливо, но понять, в чем дело, не могли, – говорит Бобков. – И не раздумывая понеслись в театр, чтобы успеть увидеть, пока не сняли, комедию Зощенко «Парусиновый портфель».

Такой вот был спонтанный ответ слушателей школы СМЕРШ на решение ЦК.

Спустя годы стало понятно, что вся эта кампания против журналов и Зощенко с Ахматовой была следствием борьбы определенных группировок за влияние в партии. А Бобков и товарищи тогда ломали головы над разрешением этой загадки, названной «политическим нокдауном».

Вспоминая свои самообразовательные бдения, Бобков признавался, насколько они помогли ему уверенно работать с разными людьми, смотреть на проблемы не чиновничьим, а исследовательским взглядом и находить стоящие решения.

Постижение контрразведки

После окончания школы СМЕРШ Бобков был направлен на работу в центральный аппарат Министерства государственной безопасности. Тому способствовало и стечение обстоятельств, и состояние здоровья. Сырой ленинградский климат был ему противопоказан: ранение легких не прошло бесследно. Стоило ему пробежать стометровку, как мучил кровавый кашель. Будущее определилось, когда пришла заявка из Москвы. В октябре 1946 года младший лейтенант Бобков переступил порог здания МГБ на площади Дзержинского. С должности помощника оперуполномоченного началась его служба.

Ранним утром, когда еще улицы были пусты, он спешил на работу. И каждый раз взгляд его задерживался на витрине коммерческого магазина, мимо которого он держал путь. А там, за сияющим стеклом, валяжно расположились копченые и вареные колбасы, окорока, банки с крабами, севрюжки бока, горбуша, кета и разная рыбка помельче. Он мог только вздохнуть, сожалея, что лейтенантская зарплата не дает возможности вкушать это изобилие. Страна еще жила по карточкам, залечивая военные раны. И офицеры контрразведки, даже имея офицерский паек, не слишком отличались своим материальным благополучием.

Работа захватила сразу, потому что его включили в самые сложные дела. Уже прозвучала речь У. Черчилля в американском Фултоне, положившая начало холодной войне. В этой речи он сказал, что «на свет союзнической победы (над гитлеровской Германией. – Э. М.) легла черная тень Советской России и руководимого ею международного коммунистического сообщества и их настойчивых стараний обратить весь мир в свою веру», – это образ врага, который уравнивается с фашизмом. Вот как это им сделано: «Если бы монополией на ядерное оружие завладело какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство, в отличие от монополии на него США, то они смогли бы навязать свободному демократическому миру одну из своих тоталитарных систем». Черчилль тогда создал образ, объединяющий коммунизм и фашизм в одно целое, образ тоталитаризма, интегрального фашизма – врага человечества. Черчилль первый в новом послевоенном мире, кто объявил тождественность понятий коммунизма и фашизма. В последующие годы «советологи» и «русисты» в научных центрах шли по его колее. Советский Союз не просто враг – он идейный враг для христианской цивилизации. И в связи с этим образ приобретает новый смысл: «Советская Россия хочет бесконечно наращивать свою мощь с одновременной экспансией своей идеологии». Черчилль говорил, что именно война и тирания, исходящие от Советского Союза, – враги простых людей и человечества.

Фултонская речь У. Черчилля как первая политико-идеологическая доктрина холодной войны удачно встроилась в планы американского военного командования. К декабрю 1945 года у США уже было 196 атомных бомб, и, согласно военным циркулярам, им готовилось достойное применение. В директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д от 14 декабря 1945 года (то есть через семь месяцев после совместной с СССР победы над Гитлером) говорилось:

«На карте к приложению А [документ разведки]... указаны двадцать основных промышленных центров Советского Союза и трасса Транссибирской магистрали – главной советской линии коммуникаций. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь семнадцати из двадцати указанных городов и Транссибирскую магистраль. Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз и используя все 196 атомных бомб... Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим» [3].

В середине 1948 года был составлен план «Чариотир» – по нему предполагалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. К 1 сентября 1948 года появился документ «Флитвуд» – своего рода методическое руководство к составлению оперативных планов. А уже

21 декабря 1948 года был готов разработанный по этой методике оперативный план бомбардировки СССР. В 1949 году родился еще один план – «Дропшот», по которому в первые дни войны на СССР планировалось сбросить более 300 атомных бомб, не считая обычных, способных уничтожить до 85 процентов советской промышленности [4].

В связи с разработкой таких планов активизировалась американская разведка. Чтобы планировать нанесение ударов по Советскому Союзу, необходимо было представлять оборонные возможности этой страны – инфраструктуру, жизненно важные промышленные предприятия, систему противовоздушной обороны, расположение военных аэродромов, типы боевых самолетов на них.

Генерал Кертис Лемей, глава стратегической авиации США, знал, что экипажи его бомбардировщиков после сброса ядерных бомб на советские города должны будут катапультироваться над территорией СССР, поскольку у самолетов не хватит топлива, чтобы вернуться на свои базы. Поэтому Лемей ставил перед ЦРУ задачу создания маршрутов эвакуации экипажей бомбардировщиков, требовал от ЦРУ быть готовыми организовать диверсии на взлетно-посадочных полосах советских военных аэродромов, чтобы нейтрализовать советскую авиацию, способную помешать американским бомбардировщикам выполнить свою боевую задачу. ЦРУ планировало тогда расположить своих агентов с радиостанциями близ советских аэродромов, которые находились между Берлином и Уралом.

Поэтому тогда резко увеличилось количество забрасываемых на территорию СССР разведывательно-диверсионных групп. Бобкову пришлось работать с такими группами. Контрразведывательная особенность такой работы была в том, что эти группы формировались из бывших советских граждан, – либо из тех, кто попал в немецкий плен в годы войны, либо из так называемых перемещенных лиц – людей, в свое время вывезенных немцами на работу в Германию и оставшихся там или попавших в Германию в поисках куска хлеба. Такая особенность этих групп диктовала и особые подходы к агентам, что действовали в их составе.

Вот что рассказывает Бобков:

«В начале 50-х годов в местечке Тагернзее, что в 50 километрах от Мюнхена, в большом двухэтажном особняке, стоявшем особняком, расположилась американская разведывательно-диверсионная школа. Преподавателями-наставниками в ней были американцы и русские. Настал момент, когда восемь выпускников школы с интервалами в несколько дней были попарно заброшены в разные районы СССР с целью разведки и организации диверсий на промышленных объектах. Их хорошо подготовили, все было предусмотрено, чтобы агенты не провалились. Организаторы операции не могли предусмотреть только одного. В школе работал наш человек, и отнюдь не в роли рядового курсанта. Так что нам заведомо стало известно, кто, где и когда будет к нам заброшен. Мы дали агентам возможность найти надежные тайники, спрятать свое снаряжение, а потом задержали. Семеро из них оказались солдатами, попавшими в годы войны в немецкий плен. В послевоенные годы всем им пришлось владеть жалкое существование в Западной Германии, но домой они боялись вернуться – были убеждены, что их немедленно, чуть ли не на границе расстреляют. После нескольких допросов мы убедились, что четверо из них не враги, а просто несчастные, измученные люди. Их выпустили на свободу, помогли устроиться на работу, получить жилье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.